

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ДОНЕЦКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК**

ВЫПУСК 9

Донецк 2001

Настоящей статьёй мне хотелось бы продолжить обсуждение интереснейшей проблемы, связанной с исследованием и реконструкцией культурно-исторических процессов в бассейне Северского Донца, а в какой-то мере во всем Доно-Донецком регионе, в финале среднего – начале позднего бронзового века [20; 21; 24; 26; 27; 29; 52; 54; 55; 56], полагая, что диалог этот сохранит тон академичности. Кроме того, хочется надеяться, что к дискуссии присоединятся другие исследователи, начало чему уже положено [40]. В конечном итоге это лишь будет способствовать нашему совместному приближению к истине.

В свете сказанного представляется целесообразным обратить внимание на два обязательных и важных принципа всякой научной дискуссии: во-первых, выдвигаемые авторами положения, а тем более возводимые в ранг базовых, должны носить не аксиомный характер, а сопровождаться развернутой аргументацией. Во-вторых, приводимые доводы должны быть проверяемы, а материалы, на которые ссылается автор, – доступны оппоненту и читателям (желательно опубликованы ранее или приведены здесь же), что объективно избавит стороны от взаимных обвинений в незнании каких-то новых данных и «тенденциозности».

Итак, поставлена под сомнение культурная атрибуция памятников раннего горизонта культуры многоваликовой керамики (КМК), которые предложено относить к финальному этапу харьковско-воронежской катакомбной культуры [56, 72]. Думается, что для пересмотра положений, обоснованных несколькими поколениями археологов, одного росчерка пера явно недостаточно. Да и стоит ли вообще возвращаться к ситуации начала 60-х годов, когда дискуссия на эту тему только начиналась [1; 2; 18; 45], зная чем она закончилась впоследствии? Несмотря на риторичность вопроса, попытаемся все же разобраться в возникшей проблеме.

Действительно, ранний горизонт памятников КМК сохраняет целый ряд позднекатакомбных традиций в погребальном обряде и материальной культуре, что подтверждает генетическую преемственность между этими культурными образованиями. Однако изменения, в первую очередь в погребальной практике, произошедшие при переходе от катакомбной культуры к КМК, оказались столь разительными и очевидными, что обусловили необходимость определения посткатакомбных памятников как качественно нового культурного явления. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно провести сравнение (рис. 1; 2). * Приве-

* При этом следует оговориться, что к сравнительному анализу со стороны катакомбных древностей привлекаются памятники именно той части харьковско-воронежской культуры, которые сосредоточены в бассейне Северского Донца и Доно-Донецком междуречье и которые отчасти соотносятся с выделяемыми А.Т.Синюком в правобережный среднедонской вариант второго этапа [58, 152-153; 59, 133; 62, 85], Ю.П.Матвеевым – в степной локальный вариант [34, 47], а С.И.Берестневым – в донецко-оскольскую культуру [5], поскольку в пределах этой области ареалы харьковско-воронежской катакомбной культуры и КМК частично совпадают, а их хронологическая последовательность представляется очевидной. Могильники же собственно среднедонской катакомбной культуры Левобережного Подонья существенно отличаются от северскодонецких [5, 87], особенно если иметь в виду их финальный горизонт, практически не находящийся эк-

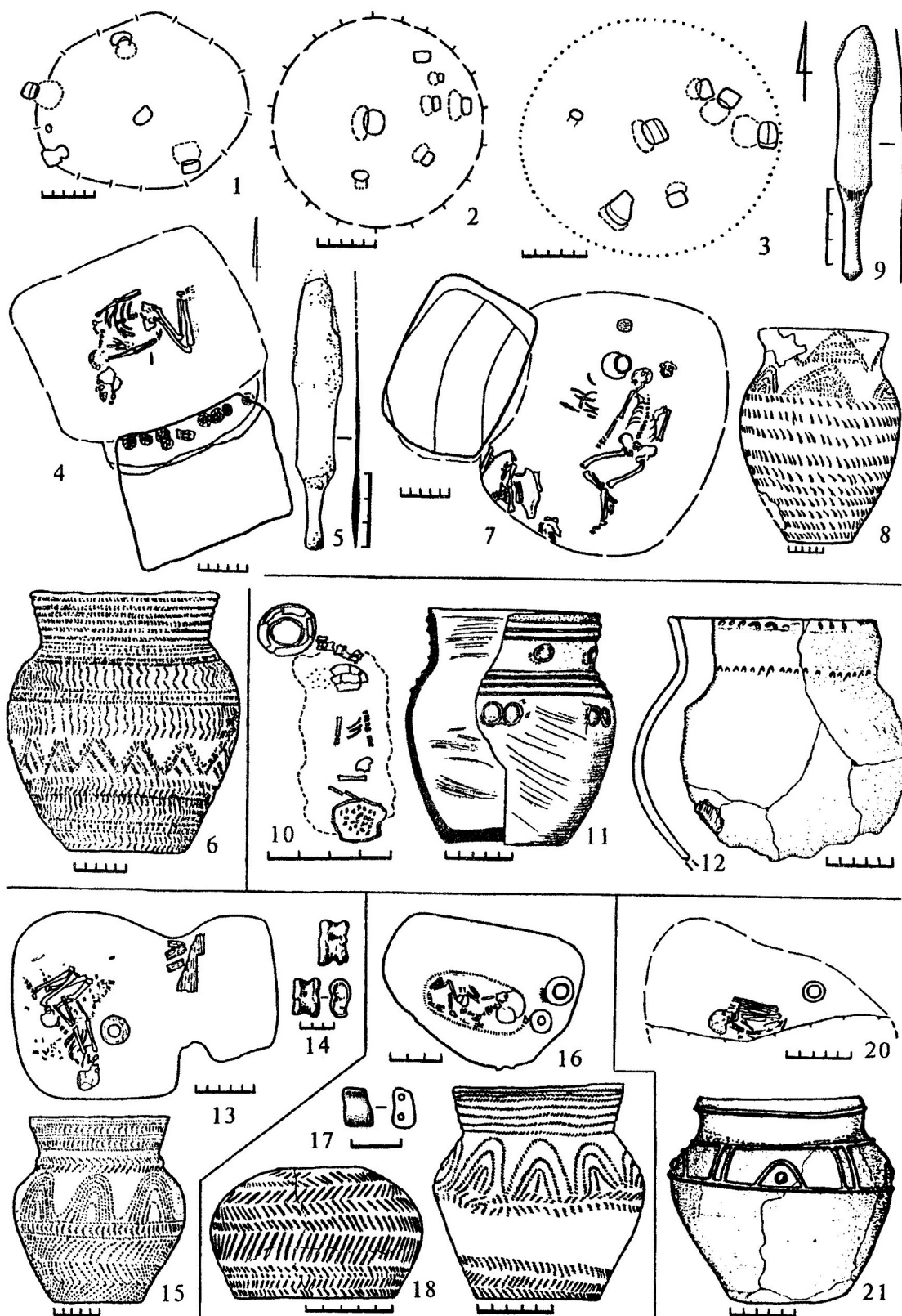

Рис. 1. Курганные могильники харьковско-воронежской катакомбной культуры
 Доно-Донецкого региона:
 1 – Новоникольское к.1; 2 – Новолатоновка к.2; 3 – Довгалевка к.2;
 4-6, 7-9, 13-15, 16-19 – Новоникольское к.1 пп.3, 10, 9, 8; 10-12 – Керчик
 (Гать III) к.16 п.9; 20-21 – Преображенное к.2 п.1.

дем лишь наиболее существенные различия между сравниваемыми группами памятников (табл. 1).

		без досып- ки	радиа- льная плани- ровка	катакомба	сосуд	жаровня	охра	правый бок	ориентир.			Положение рук				левый бок	насыпь досыпка	яма	дер. рама	пряжка	оселок
									Ю	В	З		└┘	└┘	└┘						
К М К	II										+			+	+	+	+	+	+		
	I							+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	
катако- мбная		+	+	+	+	+	+	+				+									

Табл. 1. Соотношение чистых и частных по тенденции обрядово-инвентарных признаков захоронений позднекатакомбных харьковско-воронежских и КМК раннего (I) и среднего (II) этапов. (Прим.: исключительные и редкие признаки в таблице не отмечались).

1. Пусть не абсолютно, но весьма значительно, различаются катакомбные и многоваликовые могильники по признаку «сопровождение захоронений насыпями и досыпками». При этом сошлемся на И.А.Пислария, рассматривающего способ курганного обряда захоронения в качестве одного из ведущих признаков при решении вопроса культурной принадлежности погребений [43, 15] и отмечающего присутствие насыпей/досыпок над погребениями КМК при большой редкости таковых для позднекатакомбных [42, 15; 43, 13]. Однако, в отличие от И.А.Пислария, заметим, что отдельный курган или досыпка встречаются далеко не над каждым захоронением КМК. Эта практика характерна в основном для памятников раннего этапа, среди которых, по нашим подсчетам, до 90% имели надмогильное сооружение [19, 81].
2. Характерный для впускных катакомбных захоронений принцип круговой планировки, в погребальной практике КМК практически не известен. На это различие также обращал внимание И.А.Писларий [42, 15; 44, 54].
3. Наиболее существенным разграничительным признаком двух групп памятников является тип погребального сооружения: для харьковско-воронежских катакомбных памятников бесспорно преобладающей является катакомба, а для КМК – яма, в т.ч. с деревянной рамой. Встречающиеся в среднедонской катакомбной культуре, к тому же значительно чаще, по сравнению с другими катакомбными группами Северного Причерноморья, сооружения в виде ям [32; 7, 405; 64, 43; 47, 7, 12; 59, 93, 122, 129, 134, табл. 7, 9, 11, 15), на наш взгляд, лишь дополнительно свидетельствуют в пользу наибольшего «вклада» именно среднедонской (харьковско-воронежской) катакомбной культуры в формирование древнейшей КМК.

вивалента в катакомбной культуре Подонцовья, но в то же время имеющий соответствия в местной КМК раннего этапа. Одновременно с этим, со стороны КМК к сопоставлению с катакомбными привлечены т.н. «классические» памятники раннего этапа, занимающие южную часть степного Доно-Донецкого междуречья, бассейн Северского Донца, прилегающие к нему районы Северного Приазовья и Левобережного украинского Предстепья. Такое ограничение вызвано тем обстоятельством, что КМК Степного Поднепровья и Правобережной Украины имеет во многом иной облик и при сопоставлении ее с позднекатакомбными памятниками будут получены несколько иные результаты.

4. Достаточно очевидны различия между позднекатакомбными и раннемноговаликовыми комплексами также по ориентировкам умерших. Если для первых, при общей неустойчивости ориентации, преобладающим является южный сектор, то для вторых – западный и, в меньшей степени, восточный (для женских захоронений).

5. Также требует поправки утверждение, согласно которому для ранней КМК характерно «катакомбное» размещение умерших [56, 72]. Для погребений ранней КМК, как и культуры в целом, преобладающим (83%) является скорченное левобочное положение костяков, в то время как для позднекатакомбных захоронений Северного Причерноморья, в т.ч. харьковско-воронежских, типична правобочная поза умерших. Относительно высокий удельный вес левобочных положений в погребениях среднедонской катакомбной культуры (40%) отмечается лишь для памятников Подонья, к тому же ее финального этапа, теряющего собственно «катакомбное содержание» и, вероятно, представляющих культурное образование, параллельное КМК [31, 69-70; 28, 33, 48; 34, 49-50; 35, 27-29; 47, 12,14; 62, 111; 23, 47, рис.1; 28, 70]. На Северском Донце левобочные позы умерших отмечены в исключительных случаях – в наиболее поздних катакомбных комплексах [62, 112]. Что касается «катакомбной» позиции рук – вытянутых к ногам, то в ранней КМК Северскодонетчины и прилегающих территорий таковая отмечена лишь в 10% погребений. Подавляющая часть погребений ранней КМК характеризуется такими позициями рук, которые встречаются в комплексах катакомбной культуры очень редко, главным образом на позднем этапе, или вообще не известны: перекрестная, сложенные на груди, реже «адоративная».

6. Ряд различий имеется также при сопоставлении инвентарных комплексов и деталей погребального обряда. Наиболее показательны из них:

- почти обязательное наличие керамических сосудов в катакомбных могилах и отсутствие целых форм в захоронениях КМК (за исключением единичных захоронений женской обрядовой группы)*;
- частое помещение в катакомбные могилы жаровен (особенно для среднедонских памятников Дона) и полное отсутствие таковых в КМК;
- сравнительно частое использование в обряде катакомбных захоронений охры и крайняя исключительность ее в КМК.

Можно составить еще целый список различий по удельному весу тех или иных обрядово-инвентарных признаков: частота встречаемости коллективных захоронений и подзахоронений, металлического инвентаря (в особенности но-

* В этой связи обратим внимание на весьма примечательное обстоятельство. В сравнительной таблице керамических серий поздней харьковско-воронежской катакомбной культуры и ранней КМК, приведенной С.Н.Санжаровым [56, 73, рис.1], наблюдается явный дефицит посуды КМК при обилии катакомбных форм. Приведенные же экземпляры КМК происходят исключительно из могильников, где они являлись остатками тризны или иных ритуальных действий, о чем свидетельствует их фрагментарность и обстоятельства находок. В то же время почти вся катакомбная посуда представлена в таблице поселенческим материалом, за исключением одного сосуда. Комплекс Меловатка к.1 п.1 [11, 182, 186, рис.16, 5,6; 56, рис.1, 1], на наш взгляд, возможно относить к ранней обрядовой группе женских захоронений КМК [36]. Иными словами, принцип подбора материала к таблице, объективно обусловленный характером археологических источников, лишь подтверждает качественное различие сравниваемых культурных образований.

Рис. 2. Курганные могильники культуры многоваликовой керамики I этапа Доно-Донецкого региона:

1 – Пришиб к. 2; 2 – Нижнебараниковка к. 5; 3 – Александровск к. 1 п. 4; 4 – Самарский II к. п.; 5 – Николаевка к. 3 п. 1; 6 – Трехизбенка к. 2 п. 3; 7 – Приволье к. 11 п. 13; 8 – Андреевка к. 1 п. 1; 9 – Шахтерск к. 8 п. 2; 10 – Меловатка к. 1 п. 1; 11 – Чугуно-Кретинка к. 1 п. 1; 12 – Высокое к. 2 п. 1; 13 – Ильевка к. 2 п. 4.

жей), т.н. «производственных комплексов», украшений, элементов вооружения, символов власти и др. Отметим не только количественные, но и качественные (типологические, стилистические) расхождения, имеющие место при сопоставлении двух групп памятников (рис. 1; 2).

Как уже оговаривалось выше, сравнительный анализ катакомбных и многоваликовых памятников степного Нижнего Поднепровья и Правобережной Украины дает несколько иные результаты. Например, наряду с различиями, между ними имеется ряд общих признаков, неизвестных в Доно-Донецком регионе: редкость насыпей и досыпок, круговая планировка захоронений в кургане, катакомбно-подбойные конструкции, в том числе с круглой шахтой, преобладающий южный сектор ориентации умерших [28, 157-159].

Вряд ли правомерно и предложенное С.Н.Санжаровым [56, с.72] сведение всего материального комплекса ранней КМК исключительно к катакомбной материальной культуре. Нельзя упускать из виду того обстоятельства, что погребальная парадигма КМК, несмотря на некоторые параллели с катакомбной, определяла крайнюю ограниченность инвентарного набора захоронений, а чаще всего безынвентарность ее могил. А потому реальное содержание материальной культуры КМК нам вообще малодоступно. Однако, даже из этого «обедненного» комплекса можно выделить те составляющие, которые в предшествующей катакомбной культуре, в т.ч. харьковско-воронежской, просто отсутствуют: костяные и роговые пряжки, каменные поясные оселки, некоторые типы украшений (бронзовые гривны и очковидные подвески, пастовые двухрожковые бусы). Что касается пряжек, то я не стал бы ограничивать различие между катакомбной культурой и КМК присутствием в последней только фигурных (с планкой) пряжек, оставляя в стороне кольцевые. Дело в том, что если даже допускать предположение о зарождении кольцевых пряжек еще в позднекатакомбной культуре, свидетельства чему пока явно ограничены [51, 13; 62, 97; 12, 33], то и в этом случае нельзя не согласиться с выводом В.В.Отрощенко о том, что пряжки в целом не типичны для эпохи средней бронзы и культур катакомбного круга, а являются характерным атрибутом для культур следующего, т.е. переходного от средней к поздней бронзе периода и начала позднебронзового века [38, 57; 39, 115]. Вместе с тем, я не склонен проводить «безумный зв'язок пряжок з культурами, де зафіксовані ознаки наявності легких колісниць» и рассматривать пряжку в качестве детали парадного и боевого доспеха, а также знака соответствующего социального статуса воина-колесничего [39, 114-115].

В решении вопроса о культурно-таксономическом статусе массивов памятников нельзя забывать о том, что археологическая культура, кроме всего прочего, характеризуется и пространственными (пространственно-временными) показателями [15, 54-56, 59]. И здесь нетрудно заметить (рис. 3), что ареал ранней КМК (область между Северским Донцом, Азовским морем и Днепром) не совпадает, а лишь частично накладывается на территорию распространения харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуры (бассейн Среднего Дона и Доно-Донецкое междуречье)* [22, 67]. Примечательно, что этот аргумент в свое

* В отличие от КМК, для которой на рис.3 очерчен ареал ранних памятников, для катакомбной культуры (харьковско-воронежской, среднедонской, волго-донской) указана область ее распространения в целом, без выделения памятников «многоваликового» этапа, что определенным образом искажает картину. Однако в инте-

время приводили и воронежские археологи, выступая против другой крайности – попыток включения среднедонских катакомбных памятников с многоваликовой керамикой в состав КМК-бабинской [31, 73; 47, 14]. Таким образом, зона наложения ареалов харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной и ранней КМК (бабинской) определяется условно левобережным бассейном Среднего Подонцовья и прилегающими районами Северскодонецкого Правобережья. Именно для этой зоны существует проблема культурной атрибуции поселений с многоваликовой керамикой (катакомбные или бабинские?), особенно в тех случаях, когда известны они лишь по материалам разведок. Очевидно, что в пределах этой зоны происходил процесс зарождения классической КМК. Однако имеющийся фонд источников не позволяет ограничивать область сложения и первичного ареала КМК только рамками северскодонецкого бассейна [22, 67, рис.2, 25, 33].

Таким образом, подвергнутые анализу катакомбные и бабинские (КМК) древности фактически выглядят как различные сочетания архетипов (в замкнутых комплексах), находящиеся в различных стратиграфических нишах и занимающие различные территории – иными словами представляют *различные археологические культуры* [15, 53-61; 16, 125-208, 391-392 и др.]. Что касается сходства между двумя этими образованиями, то оно, объясняется их генетической преемственностью, признавая которую, нельзя игнорировать существующую между ними качественную разницу. Ибо противоположный подход, при котором ранние памятники одной культуры рассматриваются в качестве финального этапа предшествующей, может привести к тому, что, скажем, раннекатакомбные древности превратятся в позднемые, а раннескифские – в предскифские, т.е. к реальной ситуации, от которой в свое время меня предостерегал С.Н.Санжаров [53, 197] и примеры которой несложно найти в историографии [43, 14; 63, 62]*. А вообще не стоит нам забывать о том, что «археологическая культура» суть понятие классификационное, а потому содержание его у того или иного автора во многом зависит от методики выделения самой археологической культуры [15, 58-59; 16, 125-208]. В нашем случае очевидно, что применительно к классификации позднекатакомбных и бабинских (КМК) памятников, методики С.Н.Санжарова и Р.А.Литвиненко различаются в смещении акцентов и выборе приоритетов: соответственно, у первого автора – к условному типу, открытому комплексу (поселение), политетическому характеру распределения типов в археологической культуре, индуктивному способу классификации; у второго – к эмпирическому и генеральному типам, замкнутому комплексу (погребение), монотетическому характеру распределения типов, дедуктивному способу группиро-

ресующей нас зоне Северскодонецкого бассейна эта погрешность вряд-ли будет существенной.

* Совсем недавно был предложен нетрадиционный путь преодоления трудностей, возникающих при культурно-таксономическом соотнесении между собой «позднемых» и «раннекатакомбных» древностей, путем объединения их в единую археологическую культуру [14, 43]. Однако, независимо от того, как будет воспринято это предложение специалистами, применить его в ситуации с позднекатакомбными и раннемноговаликовыми памятниками невозможно, поскольку различие между ними значительно большее, чем несовпадение типов погребальных сооружений.

вания объектов. Различия в методике становятся особенно ощутимыми в процессе ее приложения к археологическим памятникам так называемых переходных эпох, примером которых можно считать время смены катакомбной культуры культурой многоваликовой керамики. Однако, при всем этом, существенным достижением коллективного исследовательского поиска следует признать близость подходов различных авторов в отношении того, что сложение КМК, в частности в бассейне Северского Донца и Доно-Донецком междуречье, так или иначе связано с качественной трансформацией поздней харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуры [6; 7; 17, 226; 22; 31; 33; 34; 42; 43; 54-56; 60, 106; 61, 28; 64; 65], вероятно вызванной какими-то причинами. В качестве возможной причины исследователи называли внешнее культурное воздействие, при котором культурой-стимулятором предлагалось считать абашевскую [64, 43-44], покровскую [54, 95-96; 55, 70-71; 55, 72, 74], синташинскую [37, 31; 38, 56], потаповский культурный тип [65, 125]. Теоретически такое предположение допустимо только в том случае, если вышеперечисленные культуры, подобно среднедонской катакомбной, имеют хронологический приоритет перед КМК, в т.ч. ее древнейшими памятниками. Несмотря на то, что ряд исследователей предпринимает попытки доказать это, убедительными данными они пока не располагают. Впрочем, это тема самостоятельной работы и к ней я надеюсь возвратиться в одной из последующих публикаций.

Обратимся теперь к памятникам КМК второго (среднего) этапа по периодизации И.А.Пислария [41; 42], с которых С.Н.Санжаров и предлагает начинать отсчет посткатакомбной эпохи и собственно КМК и в которых, по его мнению, «наблюдаются собственные вариации обрядности и материального содержания» [56, 72], надо понимать, кординально отличающие эти памятники от предшествующих – традиционно раннемноговаликовых (финальнокатакомбных по С.Н.Санжарову). Очевидно, что определить объективность этих выводов, вновь-таки, можно с помощью сравнительного анализа погребальных памятников. Анализ, проведенный на основании материалов Северскодонецкого бассейна, показал следующее (табл. 1; рис. 4).

1. Захоронения второго этапа КМК в подавляющем большинстве случаев (86%) сопровождаются курганными насыпями или досыпками, чем сближаются с раннемноговаликовыми и отличаются от катакомбных.

2. Для впускных погребений КМК второго этапа, как и для комплексов первого этапа, не характерно радиальное размещение в кургане, типичное для катакомбной культуры.

3. Могильные конструкции погребений второго этапа, как и первого, представлены ямами, в которые иногда помещались деревянные рамные конструкции.

4. Ориентация умерших на втором этапе в целом сохраняет традицию первого горизонта КМК: преобладающим является западный сектор. Вместе с тем, полностью исчезает характерная только для раннего этапа женская обрядовая группа с восточной ориентацией умерших [17, 227] и одновременно с этим появляются очень редкие южные ориентировки, сохранившиеся в незначительном количестве и на позднем этапе.

5. В позе умерших на втором этапе, также как и на первом, преобладающим является скорченное левобочное положение. Однако в качестве отличий укажем на увеличение степени скорченности костяков и существенные изменения в позиции рук умерших: в них практически не встречается катакомбная позиция вытянутых к ногам рук, а заметно преобладающей становится «адоративная» позиция - согнутых и сложенных перед головой или грудью (79%).

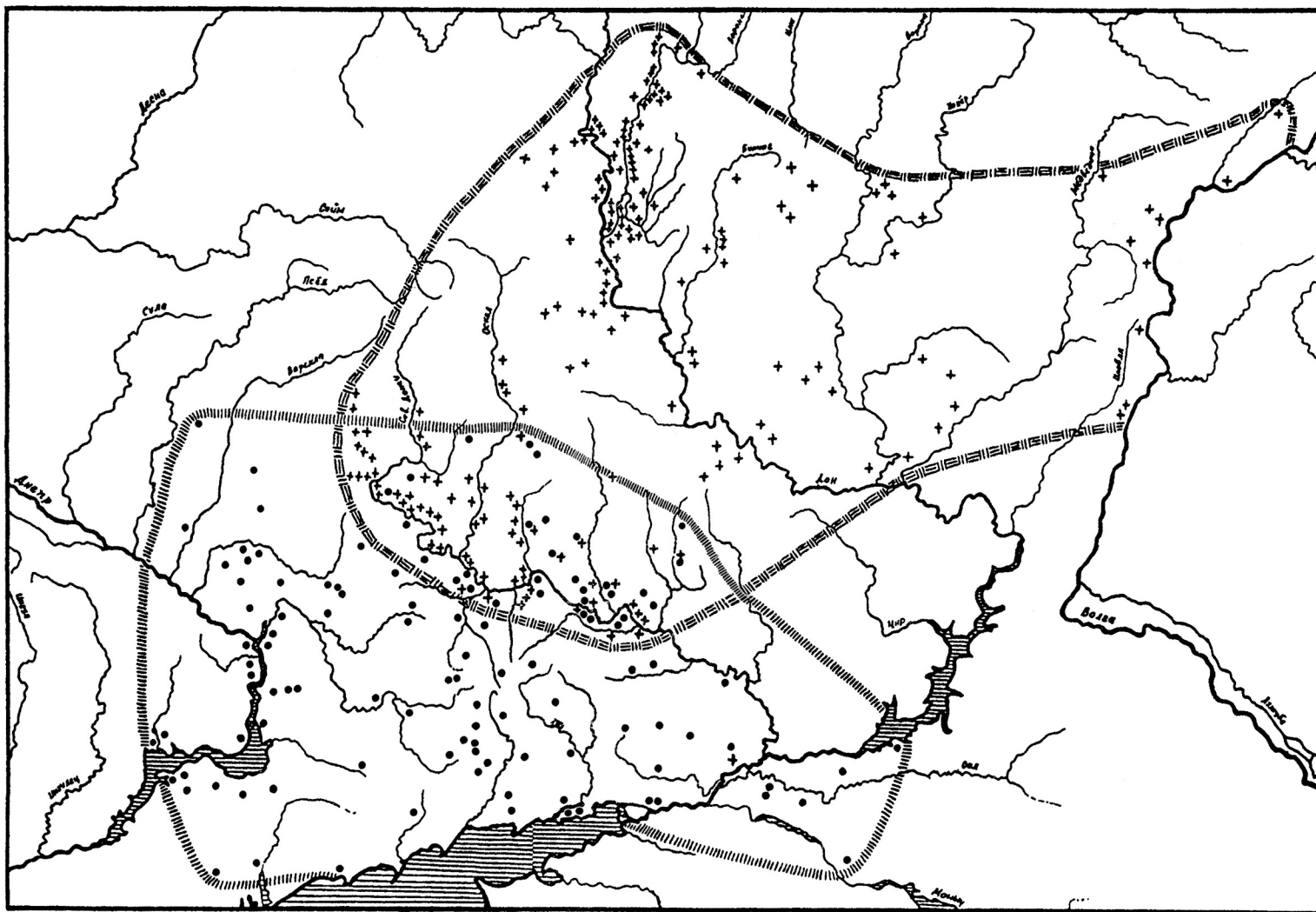

Рис. 3. Территориальное соотношение среднедонской (харьковско-воронежской, волго-донской) катакомбной культуры (+) и ранней КМК (•). (Прим.: Ареал катакомбной культуры очерчен на основании карт из публикаций [30, рис.1; 46, рис.1; 59, рис.17; 62, рис.30; Ивашов 1999, рис.1] и дополнений автора).

6. Определяющими показателями погребений второго этапа КМК являются их частая безынвентарность и категориальная ограниченность редко присутствующего инвентарного комплекса, еще большая ограниченность, нежели в погребениях первого (раннего) горизонта. В частности, из состава погребального приданого на втором этапе исчезают украшения, т.н. «производственные наборы», колчаные наборы, каменные оселки, костяные пряжки с планкой. Круглые же пряжки, отражающие преемственность с памятниками КМК раннего этапа и, одновременно, разрыв с катакомбными, претерпевают некоторые морфологические изменения: у них оформляется одна плоская сторона и бортик вокруг центрального отверстия. При традиционной преобладающей бескерамичности, в погребениях второго этапа встречаются единичные целые сосуды – в основном маленькие банки-плошки, еще реже – небольшие трехчленные сосудики. Примечательно, что в погребениях соответствующего хронологического этапа Поднепровья подобные сосудики встречаются как-будто несколько чаще, нежели в Подонцовье. Эти наблюдения не покажутся надуманными, если учесть, что и для других хронологических горизонтов КМК Поднепровья керамическая посуда не является исключительной редкостью. Еще более характерной составляющей погребального приданого можно признать глиняные сосуды для памятников Северо-Западного Причерноморья [13, 132; 50, 30, 100].

Таким образом, сопоставление погребальных памятников КМК первого (раннего) и второго (среднего) этапов показывает, с одной стороны, их значительное сходство между собой по всему комплексу признаков и, с другой стороны, отличие их от харьковско-воронежских катакомбных древностей Северского Донца и Доно-Донецкого междуречья (табл. 1). Имеющиеся расхождения между памятниками КМК двух горизонтов отражают лишь их хронологическую разновременность и развитие во времени, однако в рамках *единой культуры*. Что же касается различий на уровне инвентарного комплекса, то выдвигать их в качестве краеугольного камня культурного дробления [56, 72] вряд ли целесообразно, поскольку различия эти существуют лишь на уровне социально значимых захоронений.

Иное дело, когда речь идет о памятниках третьего (позднего) горизонта могильников КМК, комплексы которого демонстрируют разительное несовпадение по целому ряду параметров с предшествующими: почти полное отсутствие насыпей и досыпок над погребениями, исключительная редкость внутримогильных конструкций в виде деревянных рам, смена векторов ориентировок умерших на противоположный – восточный и юго-восточный, подавляющая безынвентарность. Лишь костяные пряжки, к тому же поздних типов, редкие находки многоваликовой керамики в тризне и характерных сосудиков, а также некоторые элементы обрядности указывают на генетическую связь памятников этого горизонта с предшествующими. Однако, несмотря на новации, некоторые из которых стали определяющими для эпохи поздней бронзы, у нас нет оснований для отрыва памятников этого горизонта от КМК и переименования их в раннесрубные, равно как и для обратной операции с последними, поскольку между ними лежит комплекс *качественных, культурно-диагностических* различий.

Возвращаясь к проблеме перехода от позднекатакомбной эпохи к КМК, заметим, что для различных регионов степи и лесостепи Волго-Дунайского междуречья процесс этот, видимо, происходил неодинаково, не по единой схеме: очевидно в нем следует выделять собственно генезис (рождение) культуры в первичном очаге и последующее распространение культурного импульса в несколь-

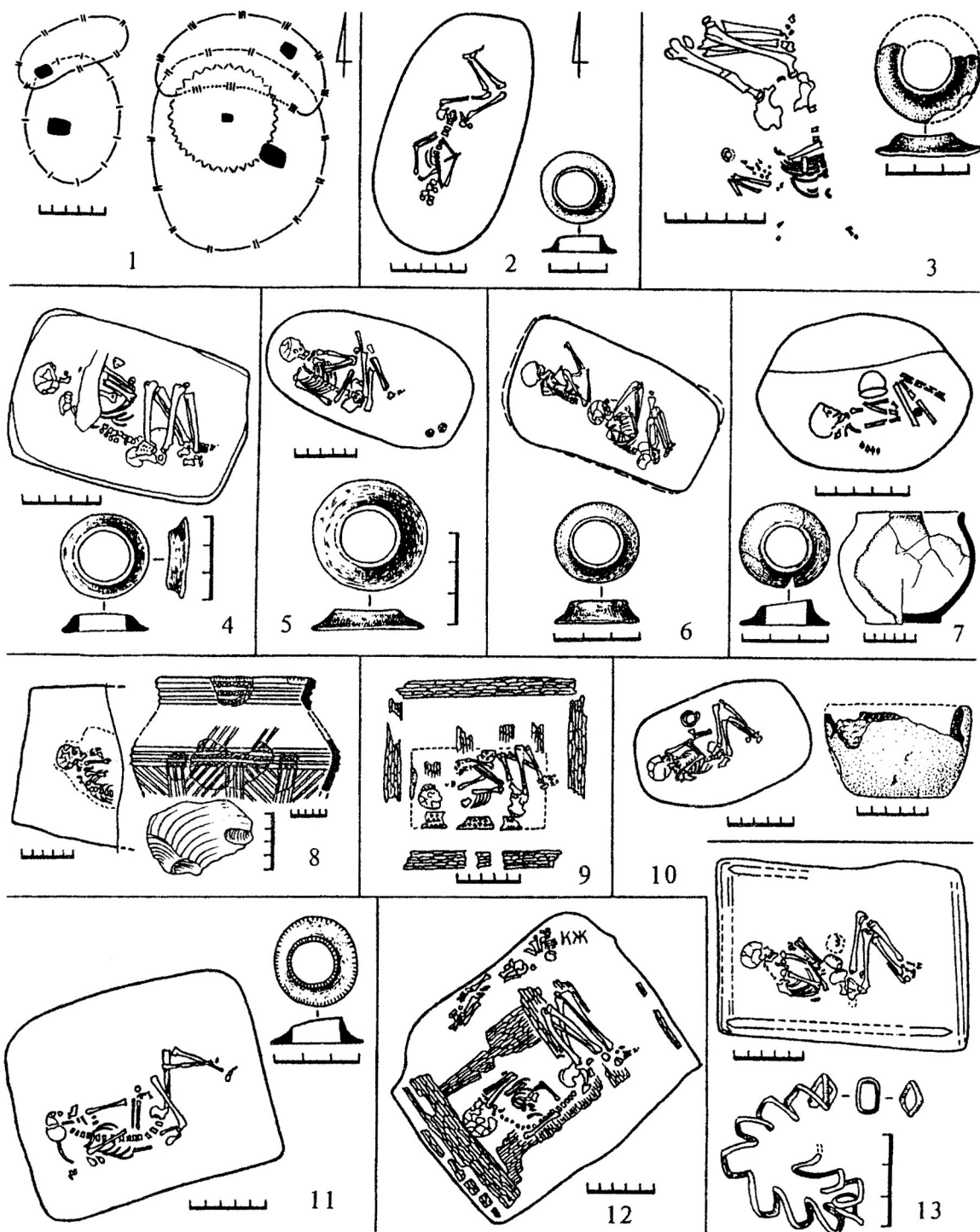

Рис. 4. Курганные могильники культуры многоваликовой керамики II этап Доно-Донецкого региона:
 1 – Большой Суходол к.2/3; 2, 11 – Горный к.2 пп. 3, 4; 3 – Желобок к.3. п.12; 4 – Кринички II к.3 п.1; 5 – Преображенье к.1 п.11; 6 – Керчик к.14 п.5; 7 – Керчик (Гать III) к.23 п.7; 8, – Затышнэ к.3 п.4; 9 – Благовка к.5 п.3; 10 – Кринички II к.2 п.4; 12 – Паськово к.10 п.5; 13 – Македоново к.1 п.8.

ких направлениях. Это несовпадение «механизма культурогенеза», а также различия культурного субстрата в каждом регионе и определили локальное своеобразие тех археологических образований, которые искусственно объединяются ныне в рамках общности под «тесным» и неудобным названием «культуры многоваликовой керамики». Применительно к бассейну Северского Донца смена катакомбной культуры культурой многоваликовой керамики наглядно демонстрируется материалами курганных могильников и внешне выглядит достаточно резко, несмотря на фиксируемую преемственность. На поселениях же эту смену уловить весьма сложно по нескольким причинам. Среди них, в первую очередь, укажем на а) «природу» культурного слоя поселения с вытекающими из нее открытостью и смешанностью комплексов; б) «природу» самого поселения, как бытового памятника, материальное содержание которого определяется совершенно иными законами (повседневной жизнедеятельностью, хозяйственным укладом и т.д.), нежели обрядово-материальный комплекс могильника (религиозными представлениями, культами, сакральными нормами). И потому, при заметной преемственности материальной культуры, комплексы могильников все же довольно легко разделяются на позднекатакомбные и раннемноговаликовые, главным образом на основании признаков погребальной обрядности и немногочисленного показательного инвентаря, в то время как культурное диагностирование материалов поселений с многоваликовой керамикой представляется затруднительным, поскольку четких критериев для этого пока не выработано. Однако таковые, на наш взгляд, можно и необходимо найти, в первую очередь применительно к наиболее массовому и одновременно наименее дифференцированному пока источнику - керамической посуде, возможно также продукции кремнеобработки. Впрочем, это самостоятельные направления исследования, в которых предприняты лишь первые шаги и еще многое предстоит сделать [4; 8; 48; 49]. И особое место в этой работе мы отводим материалам поселений, процесс исследования которых на Северском Донце заметно активизировался в 90-е годы. Однако выполнение поставленной выше задачи возможно лишь при условии выделения в качестве эталонов *чистых* собственно катакомбных и собственно бабинских (КМК) поселенческих комплексов, что на многослойных памятниках крайне проблематично и может привести к ошибочным или некорректным выводам. Вероятность ошибок значительно повышается при недостаточном уровне методики раскопок и последующего анализа источников. Достаточно вспомнить случай синхронизации катакомбного жилища с материалами прорезавшей его (но не зафиксированной) ямы с покровской керамикой [55]. Не менее показательна также попытка продемонстрировать культурную непрерывность между катакомбными и раннебабинскими памятниками с привлечением их керамических комплексов, составленных в первом случае из материалов поселений, а во втором – могильников [56, 73, рис. 1]. Невольно возникает вопрос: а где же многоваликовая керамика из катакомбных погребений Северского Донца? Или: где бабинская керамика с поселений? В действительности, сосуды с многоваликовой орнаментацией в катакомбных могильниках Северского Донца встречаются достаточно редко, в отличие от Среднего Подонья. Да и выглядят они здесь иначе: спутать их с посудой КМК труднее. Отвечая на второй вопрос, заметим, что керамика КМК, конечно, на поселениях имеется, в том числе среди материалов из раскопок С.Н.Санжарова. Однако, судя по всему, автор столкнулся с трудностями ее выделения из общей массы. Сделать это, действительно, непросто, если учесть нали-

чие в керамических коллекциях поселений массы катакомбной посуды с многоваликовой орнаментацией. Без детального сравнительного анализа эталонной керамики на уровне технологии изготовления (рецептура формовочных масс, способ лепки, обработка поверхности), морфологии, элементов и композиций орнамента, способов его нанесения и др. выделить культурно-диагностические признаки вряд ли удастся. Становится очевидным, что для понимания археологической культуры, а тем более культурно-исторических процессов, недостаточно только научиться искать древние поселения и в некоторой мере овладеть методикой производства их раскопок [56, 74].

В завершение настоящей статьи заметим, что при написании ее не выдвигалась задача расставить все точки над «і» в решении столь сложной и многоплановой проблемы, какой представляется культурогенез КМК, а потому не все представленные здесь положения и выводы претендуют на окончательность. Автор намеревался обратить внимание на ряд существенных и принципиальных, с его точки зрения, моментов, учет которых видится обязательным при работе над данной темой. Главным критерием оценки результатов этой работы может быть лишь степень соответствия полученных выводов всей сумме имеющихся данных и источников как по региону, так и общей культурно-исторической ситуации, вырисовывающейся в конце среднебронзового века на пространствах восточно-европейской степи и лесостепи.*

Литература

1. Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. - 1960. - № 4.
2. Березанская С.С. О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. - 1962. - Вып. 4.
3. Березанская С.С. Абашевская культура на территории Украины // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. - К.: Наук. думка, 1987.
4. Березанская С.С. Кремнедобывающее и кремнеобрабатывающее производство // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. - К.: Наук. думка, 1994.
5. Берестнев С.И. К вопросу о харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуре // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф. - Харьков, 1992.
6. Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. - К.: Наук думка, 1977.
7. Братченко С.Н. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР: В 3-х т. - К.: Наук. думка, 1985. - Т.1.
8. Братченко С.Н. Соотношение каменной и бронзовой индустрий в энеолите и бронзовом веке // Донские древности. - Азов, 1995.- Вып. 4.

* Когда настоящая работа была уже завершена и сдана в печать, в одном из сборников появилась статья С.Н.Санжарова [Санжаров С.Н. Археология и неархеология в изучении позднеабашевских (покровских) древностей Восточной Украины // Древности Северского Донца. – Луганск, 2000. – Вып.4. – С.99-106], написанная в неакадемичном и оскорбительном тоне. Она развеяла надежды на возможность ведения с этим автором конструктивного научного диалога.

9. Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Гошко Т.Ю., Константиnescу Л.Ф., Левченко В.Н., Швецов М.Л., Шкарбан А.С. Исследования курганов на Северском Донце // АО 1978. - М.: Наука, 1979.
10. Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР: В 3-х т. - М.: Наук. думка, 1985. - Т.1.
11. Братченко С.Н. Швецов М.Л. Северскодонецкие катакомбные погребения на реке Красная // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. - К., 1991.
12. Василенко А.И., Супрун А.В. К вопросу о происхождении костяных пряжек // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археологич. конф. - Ростов-на-Дону, 1998.
13. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. - Кишинев: Штиинца, 1986.
14. Кияшко А.В. О культурном единстве позднеямных и раннекатакомбных памятников эпохи средней бронзы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археолог. конф. - Ростов-на-Дону, 1998.
15. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / Под ред. В.С.Бочкарева. - М., 1990.
16. Клейн Л.С. Археологическая типология. - Л., 1991.
17. Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье» // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). - Самара: Изд-во СамГПУ, 1995.
18. Латынин Б.А. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // АСГЭ. - 1964. - Вып. 6.
19. Литвиненко Р.А. О курганном обряде в эпоху средней и поздней бронзы Донетчины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. обл. науч.-практич. конф. - Луганск, 1990.
20. Литвиненко Р.А. О времени контакта носителей памятников покровского типа и культуры многоваликовой керамики в бассейне Северского Донца // Изучение древних культур и цивилизаций: Матер. к пленуму ИИМК РАН. - СПб., 1994.
21. Литвиненко Р.А. Территориально-хронологическое соотношение культуры многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской // Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: Матер. конф. - СПб., 1995.
22. Литвиненко Р.А. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2-х ч. - Донецк, 1996. - Ч. 1.
23. Литвиненко Р.А. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской Степи и Лесостепи: Тез. докл. и матер. рос.-укр. науч. конф. и второго укр.-рос. полевого семинара. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1996. - Вып. 2.
24. Литвиненко Р.А. Об относительной хронологической позиции памятников покровского типа в бассейне Северского Донца // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. - Харьков: Бизнес Информ, 1997.
25. Литвиненко Р.А. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: Матер. 3-го укр.-рос. польового семінару. - Київ, Вороніж, Перевальськ, 1997.

26. Литвиненко Р.А. Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археологич. конф. - Ростов-на-Дону, 1998.
27. Литвиненко Р.А. Была ли абашевская культура на Украине? // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. - Вып. 11. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1998.
28. Литвиненко Р.А. К проблеме истоков черногоровского погребального обряда // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: III Граковские чтения. - Запорожье, 1999.
29. Литвиненко Р.А. К относительной хронологии культур конца средней – начала поздней бронзы бассейна Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. - Донецк: Східний видавничий дім, 2000.
30. Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. - СПб., 1995. - № 4.
31. Матвеев Ю.П. Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой // Археология восточноевропейской лесостепи. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1980.
32. Матвеев Ю.П. История населения среднедонской катакомбной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1982.
33. Матвеев Ю.П. Заключительный этап среднедонской катакомбной культуры // Археологические исследования в Центральном черноземье в двенадцатой пятилетке: Тез. докл. и сообщ. II Межвуз. науч. конф. - Белгород, 1990.
34. Матвеев Ю.П. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, периодизация, дальнейшая судьба // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тез. докл. всесоюзного семинара. - Запорожье, 1990.
35. Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и матер. конф. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1996.
36. Отрощенко В.В. О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф. - Харьков, 1992.
37. Отрощенко В.В. До уточнення хронології синташтинської культури // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф. - Днепрпетровск: Изд-во ДнепрГУ, 1994.
38. Отрощенко В.В. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. - Вып. 11. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1998.
39. Отрощенко В.В. Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. - Запорожье, 1998.
40. Отрощенко В.В. До питання про стратиграфію поховань культури багатовалякової кераміки та покровської зрубної культури // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. - Донецк: Східний видавничий дім, 2000.
41. Писларий И.А. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований. - К.: Наук думка, 1982.

42. Писларий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1983.
43. Писларий И.А. Проблемы изучения курганного обряда в эпоху бронзы на территории Донбасса // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе: Тез. докл. обл. науч.-практич. конф. - Перевальск, 1988.
44. Писларий И.А. Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины. - К., 1991.
45. Попова Т.Б. К вопросу о многоваликовой керамике // СА. - 1960. - № 4.
46. Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1982.
47. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития / Препринт. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1991.
48. Разумов С.Н. К изучению кремнеобработки КМК Подонцовья // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. - Харьков, 1999.
49. Разумов С.Н. Кремневые изделия КМК (по материалам погребений Донетчины) // Історія очима молодих дослідників: Наук. праці міжнар. студ. наук. конф. - Донецьк, 1999. - Т.1.
50. Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. - Кишинев: Штиинца, 1992.
51. Санжаров С.Н. Катакомбная культура на территории Северо-Восточного Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - К., 1991.
52. Санжаров С.Н. О культурной принадлежности Проказинского поселения эпохи бронзы // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тез. докл. конф. - Харьков, 1995.
53. Санжаров С.Н. Раннесрубные погребения Новониколаевского могильника на Северском Донце // Древние культуры Восточной Украины. - Луганск: Изд-во ВУГУ, 1996.
54. Санжаров С.Н. Керамический комплекс покровской культуры на территории Восточной Украины (по материалам поселения Черниково озеро) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. науч. конф. - Саратов, 1997.
55. Санжаров С.Н. Катакомбно-покровский бытовой комплекс на Северском Донце и некоторые проблемы культурного развития населения Восточной Украины в финале среднего – начале позднего бронзового века // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археологич. конф. - Ростов-на-Дону, 1998.
56. Санжаров С.Н. О проблемах финальнокатакомбной культуры, культурогенезе КМК и покровских памятниках Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. - Донецк: Східний видавничий дім, 2000.
57. Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А. Курган эпохи бронзы близ г. Славяногорска // Древности Северского Донца. - Луганск, 1992. - Вып. 2.
58. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. - Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1983.
59. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. - Воронеж: Изд-во ВорГПУ, 1996.
60. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Погребения эпохи бронзы второго и третьего Власовских могильников // Археологические исследования высшей педагогической школы. - Воронеж: Изд-во ВорГПУ, 1996.
61. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. - Уфа: Изд-во БашГПИ, 1993.
62. Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. - М., 1996.

63. Фисенко В.А. Погребения ямно-катакомбного типа в Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи северо-западного Прикаспия // СА. - 1970. - № 1.
64. Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. - Днепропетровск: Изд-во ДнепрГУ, 1987.
65. Шарафутдинова Э.С. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. - Самара: Изд-во СамГПУ, 1995.